

Вырезка из газеты

ЮЖНАЯ ПРАВДА

с. Николаев

3 АВГ 1978

НЕ МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ГАРРИ взглянул на афишу. В строке: «художественный руководитель ансамбля» его фамилия уже не значилась.

— Этого я городу никогда не прощу! — произнес он запальчиво.

«Вот это параллели», — подумала я, относя, тем не менее, столь смелое откровение собеседника за счет нервозности, сложности момента. Гарри не спохватился, не заметил, как обескураживало его откровение, и продолжал в сердцах:

— Этому городу ничего не нужно. Хотя бы славу пожинали... — бросал он гневно воображаемым противникам и самоуверенно произнес:

— Дело закончится поражением этого города.

Несмотря на чрезвычайно самонадеянный лейтмотив монолога «я и город», думала о другом. А если действительно обидели человека? Не оценили, не поняли, не защитили? Бывает ведь и такое. И чем больше людей не поняли одного человека, тем хуже для всех. Человек, даже сам навлекший на себя беду, нередко вызывает невольное сожаление. Но справедливость не разрешает жалеть всех без разбора.

Эти прямо противоположные чувства, возникшие после первого знакомства с делом Козулина, и заставили меня неторопливо, шаг за шагом пройти вместе с ним и ансамблем «Поющие юнги» путь от успешных февральских гастролей в Днепропетровске к июльскому печальному финалу Козулина в Николаеве. На этом пути приходилось останавливаться, всматриваться в лица собеседников и юридические документы, возвращаться, отказываясь от, казалось бы, неопровержимых версий, сомневаться, верить, возмущаться, убеждаться в том, что тот, кто верует хоть и блажен, но быть блаженным куда легче, чем быть объективным, докопаться до истины.

Гарри Козулин был старшим в ансамбле и по должности, и по возрасту, и по материальному вкладу — большая часть музыкальной аппаратуры ансамбля принадлежала лично ему, — и по жизненному, не всегда безукоризненному, опыту. Как сообщает в своей автобиографии сам Гарри Аронович, он «закончил заочную вечернюю школу и посещал студию при Одесском театре музыкальной комедии». Маловато, конечно, для художественного руководителя, тем не менее, именно ему были отданы на человеческое и профессиональное попечение молодые артисты.

Программу подготовили рекордно быстро. Гарри Аронович рисовал блестящие перспективы. Энергии ему не занимать, связей тоже. Договорившись через своих людей с артистами Карцевым и Ильченко, администрация Днепропетровской филармонии и получив согласие на то, чтобы «Поющие юнги» выступили в

концертах с известными артистами в Днепропетровске и области, окрыленные юнги готовились в путь. Шились костюмы, прекрасные бархатные пиджаки и кремовые брюки, печатались лимитные справки — финансовый документ, удостоверяющий тарифные ставки каждого члена эстрадного коллектива и дающий право заключать договорные соглашения.

С этого момента по существу и началось злостное «дело Козулина». Дирекция Николаевской филармонии разрешила «Поющим юнгам», выплыв в Днепропетровске плановую норму концертов, подработать — дать несколько концертов по договору. Это разрешение по-человечески понять можно. Артисты переживали период становления. Для того, чтобы осуществить плановые и концерты по договору, полагалось две лимитные справки.

Гарри Аронович подписал их тринадцать. Как это ему удалось сделать, не заметили ни директор филармонии Г. С. Иванковский, ни бухгалтер Л. Н. Болякова, удостоверявшие своими подписями все эти финансовые документы.

Один обман, как правило, влечет за собой другой. Так было и на этот раз. В лимитных справках было достаточно свободного места. Козулин воспользовался этим, дописал сюда почти в три с половиной раза завышенную сумму амортизационных расходов. Дополнил самолично справку еще фамилией нужного человека, своего земляка из Одессы М. Г. Бубиса, Гарри «оформленные» гастрольные документов закончил.

Днепропетровск встретил Козулина, а вместе с ним и «Поющих юнг», как родных. Галла-концерты — концерты на больших сценических площадках, с наибольшим числом зрителей, — посыпались на молодые головы юнг, как манна с неба. Близкое соседство в афише с именитыми, известными артистами скорее опьяняло, чем вызывало раздумья о том, что быть при ком-то, даже при очень достойном, талантливом человеке, коллективе, не так уж отраднo. Вель купаться в отвесах чужой славы для личности всегда грустно, а вкус даже самых сладких подачек с чужого стола для людей с достоинством всегда горек.

Но об этом ли было раздумывать. Аплодисменты, горящие глаза поклонниц и деньги затмили разум юнгам. Гарри Аронович виделся магом, чародеем. Он не просто оправдал надежды, он сделал для своих мальчиков и девочек нечто фантастическое. И так быстро, и так просто. Перед недавними самодельными артистами уже рисовались «Киевская весна», «Крымские зори», «Дунайские вол-

ны», концерты на центральном телевидении, собственная пластинка, которую можно подарить девушке, товарищу, маме. Гарри Аронович ведь доказал, что его связи простираются далеко, он может сделать гастролы, сценические площадки, деньги, словом, красивую жизнь.

Жизнь на первых для молодых юнг гастролях была действительно радужной. Художественный руководитель делал для своего коллектива вкусные обеды. Не докучал ребятам просьбами о расчетах за них, расплачивался сам. Здесь, в Днепропетровске, и возникла эта злостная сумка Козулина, о которой потом так противоречиво, подчас прямо противоположно, будут говорить на предварительном следствии и в судебном заседании Гарри Аронович и его подопечные юнги.

Появилась она, эта сумка с деньгами, в результате многочисленных концертов. Давали по три концерта в день на так называемые фонды комсомола, за которые благодаря стараниям Козулина артистам платили в двойном размере.

В связи с этим, исключительно в целях объективности, приведу некоторые показания Г. А. Козулина: «4 марта к нам в театр Ильича приехал кассир Днепропетровского обкома комсомола и стала выдавать деньги. Они были расфасованы по конвертам. Расписывались мы в двух ведомостях. Как только стали выдавать деньги, я предупредил артистов, чтобы они свои конверты с деньгами положили в мой саквояж, который был в стороне от кассира. Конверты с деньгами ложили Брейтбург, Ахметшина, Пирогов, Салмина, Радиевский, Бабков, Литвиненко, Фролов, Васильченко... Всем этим людям я говорил, что они должны внести деньги для внутренних нужд коллектива, на аппаратуру ансамбля».

Отсчитав по своему усмотрению деньги из конвертов, Козулин остальные отдавал артистам. Так в Днепропетровске в сумку Козулина перекечало 416 рублей К. А. Брейтбурга, 306 — С. В. Васильченко, 254 — С. Н. Бабкова и т. д. В Полтаву, куда юнг повез на гастролы Гарри Аронович самолично, без разрешения администрации Николаевской филармонии, процедура с деньгами повторилась. У Гарри Ароновича оказалось около 4 тысяч таким образом собранных денег. Заметим, что с деньгами и Козулин и многие участники ансамбля обходились, мягко выражаясь, вольно. Одним артистам Козулин платил сучточные, другим — нет. Одни получали за амортизацию костюмов и инструмента, другие — нет. Но никто не возражал, не высказывал претензий Козулину.

С деньгами, эквивалентными затраченному времени и труду,

столь неуважительно обыкновенно не обращаются. Ни ведомости, ни списки не велось. Деньги Козулин «давал» за кулисами, в перерывах между концертами, торопливо, плохо считая их, хотя известно, что деньги любят счет. Сообщая, как о чем-то маловажном, он иной раз вопрошал: «Кто хочет (!?) получить сучточные?», но не все в закулисной кутерьме слышали этот вопрос.

Сбор денег Гарри Аронович объяснял по-разному. В одних случаях говорил, что деньги нужны на благо ансамбля, его нужды — на гостиницы, транспорт, на общения с нужными людьми. Есть в его объяснениях этого факта и такое умозаключение: парни в ансамбле молодые, только начали самостоятельную жизнь, и давать им такие деньги неразумно.

Разноречивость показаний Г. А. Козулина и некоторых потерпевших на предварительном следствии и в судебном заседании, безусловно, затруднила путь к истине. Плохо, когда люди меняют свое лицо вместе с париком или костюмом. Человек не инструмент, на котором играют обстоятельства. Надежность человеческая испытывается именно в сложных ситуациях. От своих предварительных показаний не отказались Г. К. Ахметшина и А. Н. Фролов. Они прислали на суд письменные подтверждения ранее сказанного, но сами на суд не приехали.

Как свидетельствовали Г. А. Козулин и участники ансамбля «Поющие юнги» в судебном заседании, деньги они собирали на аппаратуру.

Не будем вступать с ними в спор, но выскажем и свои соображения на этот счет. За пять лет работы в ансамбле Г. А. Козулина сменилось почти полностью четыре состава ансамбля. Из нынешнего состава уволились еще 6 человек. Логично ли при такой активной текучести иметь в ансамбле общее хозяйство? Козулин объяснил, что собирал деньги с молодых, которые должны составить костяк ансамбля, и с тех, кто играет на музыкальных инструментах. Г. Ахметшина, которая предьявила иск Козулину, молодая вокалистка. Ей не нужны музыкальные инструменты. Однако она внесла свой пай в эту будущую аппаратуру и сразу после этого уволилась из ансамбля.

Некоторые свидетели на суде так усердно радели Гарри Ароновичу, что опровергли его собственные признания о неучастии со своим номером в 20 концертах из 42. Сначала говорили о том, что Козулин не выступал в 10—8—5—3 концертах. Н. Франчук, заявил безапелляционно: «Гарри Аронович выступал во всех концертах со своим номером. Он честнейший человек. Деньги ему нужно вернуть».

Ссылаясь на статью в «Советской культуре» художественного руководителя ансамбля «Мелодия» Г. Гараняна в той части, что музыкальные инструменты — большой дефицит и приобретаются на грани с нарушением законов, Г. Козулин пытался на суде оправдать свои действия. Но в той же статье Г. Гаранян пишет: «Любая самая прекрасная аппаратура не способна подменить голос или умение играть... Талант или его отсутствие слышны при любой аппаратуре».

Добавим к сказанному: и фальшь, сомнительного свойства помыслы тоже долетают до зрителей, как бы искусно их не прятали некоторые. Искусство невозможно без честности. Оно не должно позволять ни овладевать, ни торговать собой. Цель в данном случае не оправдывает средства. Наоборот, средства характеризуют цель. План любой ценой, слава любой ценой, деньги любой ценой, словом, все и тотчас же — кредо музыкальных шабашников, а не служителей искусства. Сцена — это трибуна, право говорить с которой надо заслужить не только профессионализмом, но и личной, общественной порядочностью. А порядочность всегда предполагает нравственный запрет, который нередко бывает сильнее запрета закона.

Нравственными запретами Козулин себя вообще не обременял. Не удалось в Днепропетровске получить завывающие амортизационные — ничего. Обманул в Полтаве — прекрасно. Получу полностью за неотработанные концерты — хорошо, не получу — схвачу в другой раз. Балансировать на грани беззакония, создавать вокруг своего имени шумиху, спекулировать знакомством с известными артистами — вот стиль Гарри Ароновича. В этой связи, думается, полезно вспомнить напутствие служителям искусства народного артиста СССР Михаила Ульянова. «Не правда, что можно быть богемой без ущерба для искусства, что можно быть пошлым в быту и властелином душ на сцене. Главное — сотворить в себе человека с гражданским восприятием мира. Бездуховным людям вершины в искусстве не покоряются».

...Когда закончилось судебное разбирательство по делу Козулина, николаевцы возвращались с работы. Скромные труженики, создающие истинную трудовую славу родному городу, вечером они заполняют театры и концертные залы, доверчиво, искренне рукоплещут каждому успеху на сцене. Но не всякая слава нужна этим людям, не всякий успех. Нельзя обманывать доверчивость, со сцены петь: «жила бы страна родная и нету других забот», а за кулисами пригребать к себе добытые всеми правдами и неправдами барыши.

А. ВИНОГРАДОВА.